

Эммануил ИОФФЕ

ЭВАКУАЦИЯ

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло более 65 лет. Однако до сих пор имеются разные точки зрения исследователей на трагические события июня-августа 1941 года.

В последнем томе 18-томной «Беларускай Энцыклапедыі» утверждается, что всего в июне-августе 1941 года в восточные районы СССР (Поволжье, Урал, Западную Сибирь и др.) выехало около 1,5 млн жителей Беларуси.

Энциклопедия «Памяць. Рэспубліканская кніга», изданная в 2005 году, тоже отмечает, что в тот период было эвакуировано из БССР около 1,5 млн человек.

В энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945» в материале «Эвакуація» утверждается:

«...Вызванная очень неблагоприятным фронтовым положением начального периода войны, эвакуация явилась чрезвычайным звеном перестройки народного хозяйства на военный лад, развертывания в глубоком тылу главной военно-промышленной базы страны.

24.6.1941 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР создан Совет по эвакуации, который определил сроки, порядок эвакуации предприятий, материальных ценностей, пункты их размещения. Осуществлялась в зависимости от военного положения на местах и проходила одновременно по нескольким направлениям: эвакуация гражданского населения, материальных ресурсов промышленности, сельского хозяйства, транспорта, культурных ценностей.

Эвакуация в Беларуси проходила в сложной обстановке. До конца первой недели боевых действий западные и центральные области Беларуси были оккупиро-

ваны, что практически сорвало возможность массовой эвакуации производительных сил из этих районов. 25.6.1941 года организована Центральная эвакуационная комиссия при СНК БССР во главе с председателем СНК И.С. Былинским (заместители председателя – И.А. Захаров, И.А. Крупеня и др.). Комиссия возглавила работу в Могилевской, Витебской, Гомельской и Полесской областях, которые также оказались вскоре под угрозой оккупации. В июле 1941 года бюро ЦК КП(б)Б приняло дополнительные меры по усилению темпов эвакуации. На директоров предприятий и секретарей партбюро возлагалась обязанность не только осуществлять демонтаж, погрузку и отправку эшелонов с оборудованием, но и обеспечить движение их к станции назначения. Из числа гражданского населения в первую очередь эвакуации подлежали дети. На восток в июне-августе вывезено более 190 детских учреждений (около 16,5 тыс. детей). В Минске, Орше, Полоцке, Витебске, Могилеве, Кричеве, Гомеле, Лоеве и других областных и районных центрах были организованы 24 эвакуационных пункта, где население получало помощь пищей, одеждой, медикаментами, транспортом. На эти нужды СНК БССР выделил 3 млн руб. В каждый эвакуационный пункт направлялись уполномоченные ЦК КП(б)Б и правительства республики. Всего в восточные районы страны – в Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь и др. – выехало около 1,5 млн трудящихся Беларуси...».

Как оценивал эвакуацию первый секретарь ЦК КП(б)Б Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко? Во время интервью с ним московский историк Г.А. Курманев задал вопрос: «Какова Ваша общая оценка эвакуации, проведенной в республике в первые месяцы войны?». И получил следующий ответ П.К. Пономаренко:

«Это была грандиозная производственная операция, не имевшая в истории стран и народов аналогов по своим масштабам, срокам и результатам. Следует иметь в виду, что перемещение на восток миллионных масс населения и материальных ценностей осуществлялось зачастую под огнем врага, в условиях острой нехватки транспортных и погрузочных средств, а также рабочей силы. Не имели мы необходимого опыта в таком сложном деле. Но этот процесс в целом не был стихийным, и главная цель – спасти от врага людские и материальные ресурсы страны – была достигнута.

...Уже на второй день войны, 23 июня 1941г., бюро ЦК КП(б)Б, проанализировав военное положение, пришло к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. Это было нелегкое решение. Еще тяжелее было ставить данный вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством.

В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: «Вы думаете, это надо делать? Не рано ли?».

Я ответил: «Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым».

Подумав, Сталин сказал: «Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым вывезти в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Все должны понимать, что эвакуация – это тоже элемент войны».

Приступив первоначально к частичной эвакуации, мы создали республиканскую эвакуационную комиссию под руководством председателя Совнаркома БССР И.С. Былинского. 24 июня в соответствии с решением бюро ЦК КП(б) Белоруссии началась эвакуация из Минска женщин и детей. Город подвергался почти непрерывным бомбардировкам.

Военная обстановка для многих районов становилась настолько угрожающей, что через несколько дней ЦК КП(б)Б и правительство республики поставили вопрос об общей эвакуации. После получения от нас шифровки об этом Сталин позвонил и сказал, что наше предложение об общей эвакуации санкционируется.

С огромным напряжением, в условиях вражеских бомбежек и встречных перевозок к районам боевых действий осуществлялся вывоз населения и материальных ценно-

стей. Были разработаны маршруты движения с использованием проселочных дорог, чтобы не мешать движению войск и снабжению действующей армии. Повсеместно, особенно на узловых станциях, были организованы пункты питания и оказания медпомощи эвакуируемым, заправка горючим автомашин, снабжение фуражом лошадей и угоняемого скота... 18 августа 1941г. в своей докладной записке на имя председателя ГКО И.В. Сталина я сообщил, что «все 83 наиболее значительных завода из БССР эвакуированы полностью». В восточные районы страны удалось вывезти 16 911 единиц ценного оборудования, 832 тонны цветных металлов, 44 км силового кабеля, более 3400 вагонов готовой продукции и свыше 2130 вагонов металлолома. Из республики в глубокий тыл перебазировалось 109 крупных и средних промышленных предприятий».

А теперь предоставим слово приверженцам иной точки зрения на события тех лет.

Вот что пишет авторитетный белорусский исследователь, кандидат исторических наук, большой знаток архивных источников, лауреат Государственной премии Республики Беларусь Г.Д. Кнатько:

«П.К. Пономаренко пишет в воспоминаниях, что 23 июня 1941г. ЦК КП(б)Б пришел к выводу о необходимости начала частичной эвакуации и что, позвонив Сталину, он получил разрешение начать ее. Сопоставление мемуарных источников показывает, что власти 23 июня принимали все меры, чтобы не допустить паники, даже до использования силы вооруженных отрядов для борьбы с паникерами. Рабочие не имели права покидать предприятия, разговоры об эвакуации карались. Если допустить наличие решения об эвакуации, так оно было тайным, народ о нем не знал. Официально эвакуационная комиссия была создана 25 июня, когда руководство республики было в Могилеве, куда оно выехало вечером 24 июня после того, как целый день противник бомбил Минск».

В статье бывшего заместителя директора Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны И.Ю. Воронковой «Минск 22–28 июня 1941 года» есть такие строки:

«...Что касается населения Минска в целом, вопрос о его эвакуации 23 июня не поднимался. В этот день автотранспортом из города выехали в основном лишь семьи командного состава ЗапОВО. Семьи руководства Белоруссии были направлены сначала на дачи ЦК и СНК, ставшие своеобразным сборным пунктом, а затем вывезены на восток.

...Тем не менее обстановка ухудшалась с каждым часом.

Начать в таких условиях (Речь идет о 25 июня 1941г. – Э.И.) массовую эвакуацию из Минска предприятий, учреждений, населения было уже невозможно. Подъездные пути Минского железнодорожного узла оказались разрушенными, часть подвижного состава была уничтожена. В перерывах между бомбежками отряды из рабочих, служащих и студентов пытались восстанавливать желез-

нодорожное полотно и взлетную полосу аэродрома. Гигантские усилия предпринимались железнодорожниками, чтобы сформировать хоть какие-нибудь составы из разномастных вагонов, стоявших на запасных путях...

Сколько удалось отправить эшелонов из Минска 23–25 июня – неизвестно. По свидетельству руководства Западной железной дороги, документы об эвакуации через Минский железнодорожный узел не сохранились. Существуют лишь цифры, основанные на воспоминаниях участников событий. В воспоминаниях заведующего отделом транспорта и связи ЦК КП(б) М.И. Сарычева упоминаются 50 эшелонов, выехавших из города 23–25 июня. Секретарь ЦК П.З. Калинин пишет о 10 эшелонах, выехавших из города, причем только 24 июня. По-видимому последний источник и использовался белорусскими историками в ряде публикаций 70–80-х годов.

Не существует также данных о количестве минчан, которым удалось эвакуироваться по железной дороге или автотранспортом.

Так или иначе, в течение 23–24 июня из Минска успели вывезти ценности Госбанка и сберегательных касс, архивы партийных органов. По свидетельству того же М.И. Сарычева, подготовка к эвакуации шла в здании ЦК (имеется в виду старое, не сохранившееся здание, стоявшее рядом с библиотекой имени Ленина по улице Красноармейской) в течение всего дня 24 июня. Как только был получен приказ об эвакуации, архивы были «с молниеносной быстротой погружены на машины и под прикрытием темноты отправлены в Могилев».

В 20.00 (по другим сведениям в 21.00) (24 июня. 1941 г. – Э.И.) все центральные органы власти получили приказ командования Западного фронта эвакуироваться в Могилев. В 23.30 четверо заместителей председателя СНК выехали из Слепянки в Дом Правительства, чтобы проверить отправку архивов. Как прошла проверка, источник – дневник уже упоминавшегося И.А. Крупени, умалчивает. Такое молчание не случайно. В руки немцев, вошедших через несколько дней в город, попали почти все дела, касающиеся государственного управления БССР, в том числе списки членов правительства и их семей, руководящих работников ЦК ЛКСМБ, важнейших государственных структур, а также все мобилизационные дела БССР.

Не успели вывезти оборудование ни одного из 332 промышленных предприятий Минска, смогли эвакуировать лишь часть коллективов нескольких из них. ...В больницах Минска осталось большое количество больных и раненых. Вечером 24 июня на прием к секретарю ЦК В.Г. Ваневу, ведавшему эвакуацией, пробилась делегация работников Наркомата здравоохранения, горздравотдела и городских больниц, в ее числе был и будущий подпольщик профессор Е.В. Клумов. Вопрос был один: что делать с пациентами? В сложившейся ситуации он остался без ответа. ...Утром 25 июня из Минска вырвался последний эшелон, на котором уехали сами железнодорожники».

То, что многие минчане не смогли эвакуироваться, так как «неорганизованных» граждан вокзал из-за нехватки транспорта просто не принимал, подтверждается свидетельствами очевидцев. Кроме того, в связи с бомбежками началась паника.

Врач Надежда Хатченко вспоминала: «24-го в полдень, когда образовался небольшой перерыв в налетах, бросилась с детьми на вокзал, но там была такая давка, что уехать не было никакой возможности».

Многим рабочим фабрик и заводов запретили уходить с работы, чтобы подготовиться к эвакуации, а приказали оставаться на своих предприятиях до особого распоряжения. Как вспоминает секретарь-машинистка Минского молочного завода Анастасия Цитович, она ждала, но так и не дождалась распоряжения начальства об эвакуации.

Вечером и ночью 24 июня тысячи жителей Минска попытались самостоятельно уйти из горящего города по Могилевскому и Московскому шоссе. Зарево от минских пожаров было видно на расстоянии 120 километров.

Большинству из тех, кто шел пешком, далеко уйти не удалось – одним дорогу вскоре перерезали немецкие танки или десантники, другие просто обессилели в пути и вынуждены были вернуться, третьих вернули, обвинив в паникерстве.

Известны случаи, когда были вынуждены вернуться некоторые минчане, которым удалось уже эвакуироваться по железной дороге. Дело в том, что один из минских эшелонов был пущен под откос немецкими диверсантами в районе станции Колодищи. Ромуальд Матусевич, который вспоминал об этом, в 1941 году был 14-летним мальчиком. Он сам, его сестра, мать с новорожденным братом на руках добрались до Минска, когда там уже были немцы.

Авторитетный белорусский историк, профессор З.В. Шибeko отмечает:

«Наступление немцев вызвало развал советской администрации. Пинск коммунисты оставили, когда немцы находились на расстоянии более чем за 100 км. ЦК КП(б) на четвертый день войны был в Могилеве. Часть ответственных работников БССР уже в конце июня оказались с семьями на легковых автомашинах в Москве, но их сразу отправили назад. Функцию управления взяли на себя органы НКВД. Но из Западной Беларуси сотрудники безопасности почти ничего не вывезли и даже не успели там провести мобилизацию призывников... Политические узники в 32 тюрьмах БССР расстреливались. Крупные промышленные предприятия, сельскохозяйственная техника, животные, зерно – всё ценное эвакуировалось или уничтожалось. Почти целиком были сожжены Витебск и Полоцк».

Анализируя процесс эвакуации населения и материальных ресурсов из в БССР в 1941 году, польский историк белорусского происхождения Юрий Туронок приходит к такому выводу:

«...Только 29 июня, то есть на завтра после того как немцы заняли Минск, Совет Народных Комиссаров СССР и ЦК Всесоюзной Коммунистической партии большевиков направили в партийные и государственные органы прифронтовой полосы директиву, в которой очерчивались основные задачи эвакуации. Еще позже – 3 июля – эти задачи представил народу Сталин в своей речи по радио».

А Пантелеймон Кондратьевич продолжал посылать бодрые репортажи...

В записке секретаря ЦК КП(б) Белоруссии П.К. Пономаренко «О положении в Белоруссии», которую потом назвали «Развитие партизанского движения», в Центральный Комитет ВКП(б), тов. Сталину И.В., написанной не позднее 12 июля 1941 года, говорилось:

«...Настроение белорусов исключительно патриотическое и боевое. Скот из колхозных ферм погнали, как только объявили об этом. В связи с этим не только не было инцидентов, наоборот, колхозники выделяли гонщиков, доярок – в путь следования снабдили всем.

Сейчас через Днепр и Двину прошло 350 000 голов скота. Там, где колхозники поднимают личный скот, там снимается весь колхоз и уходит. Говорят: «Трактора, лошади и скот уходят, и мы уйдем, Советская власть будет, всё будет». ...Как вывод, должен подчеркнуть – исключительное бесстрашие, стойкость и непримиримость к врагу колхозников в отличие от некоторой части служилого люда городов, ни о чем не думающих, кроме спасения шкуры...».

Здесь следует отметить большую роль органов НКВД, особенно железнодорожной милиции Белоруссии, в проведении эвакуации населения БССР в 1941 году. В этот трудный и сложный процесс, часто под постоянными бомбежками немецкой авиации, работники органов НКВД Белоруссии, где только можно, в подавляющем большинстве случаев внесли порядок, организованность и дисциплину.

Приведем только один документ из фондов Национального архива Республики Беларусь. Это докладная записка наркома внутренних дел А.П. Матвеева первому секретарю ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко «О ходе эвакуации женщин и детей из города Гомеля», датированная не ранее 7 августа 1941 года.

Вот текст этой докладной записки:

«С 3 по 7 августа 1941 года из гор. Гомеля отправлено 4 эшелона с эвакуируемыми из города и района женщинами, детьми и лицами преклонного возраста.

Всего за 3, 4, 5 и 7 августа эвакуировано в 205 вагонах – 7932 человека и 500 человек выехали с лошадьми. 6 августа отправка не производилась из-за отсутствия достаточного количества эвакуируемых.

Порядок отправки – эвакуируемым Гомельским облисполкомом выдаются специальные посадочные талоны, которые при посадке вместе с паспортами предъявляются оперработникам желдормилиции. При получении пропуска граждане, нуждающиеся материально, получают средства на питание в дороге от 100 до 200 рублей на семью. Кроме того, на больших станциях в пути организуются бесплатные обеды.

При вокзале станции Гомель работает столовая и буфет. В составе эшелона имеется специальный вагон-ларек с необходимыми продуктами питания, а также идет специальный поезд с медобслуживающим персоналом.

Точное время отправления поездов с эвакуируемыми со станции Гомель не установлено, т.к. при подаче вагонов в ожидании полной загрузки всего состава затрачивается времени до 12 часов. Поэтому нет скопления на вокзалах и возле вагонов лиц, желающих выехать из города.

Посадка в вагоны проводится неорганизованно, в результате чего размещение по вагонам крайне неравномерное (от 40 до 70 человек). Недостаточное количество скамеек в вагонах вызывает жалобы матерей, которые вынуждены держать на руках детей во время их сна.

Точного учета оставшегося в городе населения и из их количества, подлежащего эвакуации, нет. По неточным данным Гомельского облисполкома, в настоящее время жителей в городе Гомеле имеется около 50 000 человек.

Эвакуация семей рабочих и служащих города Гомеля продолжается со станции Гомель. Ежедневными обходами по квартирам работники милиции напоминают населению об эвакуации.

Для охраны общественного порядка, задержания уголовного элемента и др. подозрительных лиц, из работников желдормилиции организовано три опергруппы по 26 человек каждая. Кроме того, при отправке эшелонов присутствует от облисполкома представитель эвакуационной комиссии.

До станций Бахмач и Брянск эшелоны сопровождают- ся работниками желдормилиции.

В общее число эвакуированных за период с 3 по 7 августа входят также 250 детей, отправленных 5.08. 1941 г. без родителей, которые обеспечены провожатыми в количестве 7 человек, а также продуктами на дорогу.

В соответствии с Вашими указаниями, по линии органов НКВД совместно с партийными и советскими организациями гор. Гомеля принимаются меры, которые должны обеспечить эвакуацию женщин и детей до 14 августа с.г.

Народный комиссар внутренних дел
Белорусской ССР

А. Матвеев».

Резолюция: «тов. Эйдинову (Секретарь ЦК КП(б)Б. – Э.И.), тов. Жиженкову (Секретарь Гомельского обкома КП(б)Б. – Э.И.). Детей и матерей обязательно и, по возможности, скорее. Пономаренко».

Так каково же точное число эвакуированных из Белоруссии?

В 2008 году исследователь Л.А.Сугако пришла к следующему выводу: «Учитывая стихийность процесса эвакуации, проблематично установить точно общую численность эвакуировавшихся из западных и центральных регионов республики, Только учтенное их количество, по данным Г.И. Олехнович, составляет 102 тыс. человек». Здесь ссылка на книгу Г.И. Олехнович «Трудящиеся Белоруссии – фронту». В действительности, до сих пор проблема эвакуации населения БССР в годы Великой Отечественной войны, а особенно количество эвакуированных, остается «белым пятном» в исследовании истории Беларуси 1941– 1945 годов и в белорусской исторической науке в целом.

Чем это объяснить?

Изначально в Белорусской ССР возникли две цифры, показывающие количество эвакуированных из нашей республики, – сначала 1 млн, а затем 1,5 млн человек. Автор пришел к убеждению, что это дутая цифра, которая, к сожалению, дождалась наших дней и заняла прочное положение в официальных и энциклопедических изданиях, стала стереотипом и воспринимается как аксиома.

Само собой разумеется, что данная проблема требует продолжения исследования, то есть изучения данных об эвакуированных по Казахстану, Узбекистану, Киргизстану и Таджикистану.

Без этих данных нельзя представить точную картину численности эвакуированных из БССР в различные регионы СССР.

Без сомнения, эвакуация населения и материальных ресурсов с оккупированной территории СССР стала одновременно трагедией и подвигом советского народа.

Прежде всего попробуем ответить на вопрос: куда эвакуировалось население БССР в июне–августе 1941 года?

Как свидетельствуют различные источники, эвакуация проходила на территорию Российской Федерации, в

Армянскую ССР, в Казахскую ССР и в республики Средней Азии – Узбекскую, Киргизскую, Таджикскую и Туркменскую.

По подсчетам автора, сделанным на основании списков, хранящихся в архиве (НА РБ), число эвакуированных составило около 110 тыс. человек.

Кроме того, в Национальном архиве Республики Беларусь хранится «Справка об эвакуации населения БССР», датированная 1 июня 1942 года и подписанная председателем Совета народных комиссаров БССР И. Былинским. Приведем фрагменты из этого документа:

«...Из Белорусской ССР было эвакуировано следующее количество основных учреждений и предприятий:

1) детучреждений НКПроса БССР –	164
количество детей –	14,8 тыс. чел.
2) установлено местопребывание детучреждений – 128	
количество в них детей –	12,9 тыс.чел.
3) именные списки на детей составлены	
в количестве –	6,5 тыс. чел.
4) детучреждений НКЗдрава БССР эвакуированы	
и связь установлена –	25
количество детей в них –	1,6 тыс. чел.,
в том числе больных –	0,3 тыс. чел.
5) именные списки на детей составлены	
в количестве	1,05 тыс. чел.

...В именные списки в 120 тыс. чел. включены все эвакуированные с предприятий и учреждений работники БССР, за исключением детучреждений.

Население БССР, по имеющимся учетным данным на 1.6.1942 г., находилось в следующих областях РСФСР:

1. Саратовская область	16,0 тыс.чел.
2. Татарская АССР	10,6 тыс.чел.
3.Башкирская АССР	9,2 тыс.чел.
4.Куйбышевская область	17,3 тыс.чел.
5.Пензенская область	16,0 тыс.чел.
6.Свердловская область	8,0 тыс.чел.
7.Сталинградская область	9,5 тыс.чел.
8.Тамбовская область	6,0 тыс. чел.
9.Молотовская область	10,0 тыс.чел.
10.Новосибирская область	11,0 тыс. чел.
11.Ивановская область	1,3 тыс.чел.
По первоисточникам	2,9 тыс.чел.
Итого по РСФСР	117,9 тыс. чел.
Туркменская ССР	1,6 тыс. чел.
Армянская ССР	0,6 тыс. чел.
Всего учтено	120,1 тыс.чел.»

Если к этим именным спискам добавим списки по Алтайскому краю на 163, 240, 504, 182, 118, 236, 333, 210, 30, 120, 456 человек, по Коми АССР на 65 человек, по Марийской АССР на 306 и 21 человека, по Вологодской области на 713 человек, по г. Горькому на 276 человек, по Горьковской области на 57, 281, 81 и 76 человек, по Ивановской области на 324 человека, по Кировской области на 1550 человек, по Рязанской области на 516 человек, по Омской

области на 1501 человека, по Краснодарскому краю на 705 человек, по Красноярскому краю на 586 человек, по Мордовской АССР на 3536 человек, по Орджоникидзевскому краю на 2848 человек, по Чувашской АССР на 5276 человек, то общее число эвакуированных возрастет на 21 298 и составит 141 398, или округленно 141,4 тыс.

К этой цифре мы добавим численность эвакуированных детей, по различным спискам – 36 850 человек.

Кроме этого, по данным Совета по эвакуации, на 15 ноября 1941 года в Казахстане находилось 13 239 беженцев и эвакуированных из БССР, в Узбекистане – 5179, в Таджикистане – 599 человек.

Всего на 15 ноября 1941 года, по данным Совета по эвакуации, в РСФСР находилось 203 458 выходцев из БССР, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркменистане – 19 194 жителя Белоруссии. Таким образом, общая цифра составила 222 652 человека.

На 1 декабря 1941 года число белорусских беженцев и эвакуированных на не оккупированной территории СССР выросло до 262,8 тыс. человек.

А всего на 1 декабря 1941 г. в составе СССР было зарегистрировано поименно 3 млн 74 тыс. эвакуированных.

В предлагаемое вниманию читателя «МБ» исследование не вошли данные по Киргизской ССР.

Израильский исследователь А. Каганович утверждает:

«В свете того, что по данным Комитета по эвакуации, основанным на сведениях о железнодорожных перевозках эвакуированных и проверок по отдельным областям, к декабрю 1941 г. их было в действительности не 3 млн 74 тыс. человек, а более десяти миллионов, т.е. приблизительно на 70% больше, число белорусских выходцев в это время можно оценить методом экстраполяции в 850–880 тыс. человек... К этому времени (В 1942 году. – Э.И.) часть белорусских мигрантов была призвана из тыла в армию. А часть стала жертвой повышенной смертности среди этой категории советских граждан (но самая большая смертность среди них была в 1942 г.). Поэтому число всех беженцев и эвакуированных из БССР можно оценить в 0,9 – 1 млн человек. Отсюда следует, что использовав-

шаяся в опубликованных трудах официальная цифра в 1,5 млн человек значительно преувеличена».

Анализ многочисленных и разнообразных источников, главным образом фондов Национального архива Республики Беларусь и Государственного архива Российской Федерации, проведенный по исследуемой проблеме автором этих строк, не позволяет полностью согласиться с приведенными выводами А. Кагановича, основанными на предположениях. Скорее всего, это информация к размышлению.

Необходимо продолжить поиск других источников, чтобы окончательно и точно установить число эвакуированных жителей Беларуси и беженцев, а не только зарегистрированных эвакуированных.

Если учесть несколько тысяч эвакуированных из БССР в Киргизскую ССР, несколько десятков тысяч незарегистрированных и умерших в процессе эвакуации, то число беженцев и эвакуированных жителей Белоруссии на не оккупированной территории СССР в 1941–1942 годах составляло около 300 тыс. человек.

В фондах Национального архива Республики Беларусь хранится интересный документ. Речь идет о докладной записке (донесении) Председателя СНК БССР И.С. Былинского и заместителя Председателя СНК Белоруссии И.А. Крупени на имя члена Государственного комитета обороны СССР, секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова, датированной августом 1942 года. Дело в том, что летом 1942 года в руководстве страны возникла идея создать Белорусскую армию, в которую бы вошли граждане, эвакуированные из БССР. Г.М. Маленков интересовался общим количеством таких граждан. И.С. Былинский и И.А. Крупеня отвечают, что в результате проведенной переписи эвакуированного населения из Белоруссии его общее количество насчитывает 780 тыс. человек.

Многолетний опыт автора как исследователя свидетельствует, что к большинству документов надо относиться критически. Честно говоря, у меня вызывают сомнение результаты этой переписи, проведенной в тяжелое для страны время, даже если она была действительно осуществлена. Есть некоторые основания полагать, что приведенная цифра эвакуированных из БССР несколько преувеличена.

Но и сегодня можно с уверенностью сказать, что официальные данные о количестве эвакуированных из БССР по сравнению с фактическими завышены минимум в полтора–два раза.

Само собой разумеется, что данная проблема требует продолжения исследования, то есть изучения данных об эвакуированных из БССР по Киргизстану, о незарегистрированных беженцах, а также анализа новых источников, в том числе и зарубежных.

Без этих данных нельзя представить точную картину численности эвакуированных из БССР в различные регионы СССР, общего количества беженцев и эвакуированных жителей Беларуси в 1941–1942 годах.